

С. ВЕРХОВСКОЙ

Православие и современность

Православие есть христианство в его чистейшей форме. Католицизм прибавил к первоначальному христианскому учению многое, что ему по существу чуждо. Протестантизм отбросил многие драгоценные истины христианства. Одно Православие хранит и развивает апостольское христианство, ничего искусственно не прибавляя и не убавляя от него. Неповрежденная истина есть только в Православной Церкви; это не голословное утверждение, но то, что можно показать и доказать.

Однако, состояние самой Православной Церкви печально. Уже в древности торжество христианства над язычеством почти совпало с началом гибели Римской Империи; варварство одолело на Западе древнюю культуру, погубило многие церкви, оторвало Запад от Востока. С VII до XV века медленно гибнет под ударами магометан и крестоносцев Византия. И греческие и все Балканские Церкви едва в XIX освобождаются от турецкого ига, чтобы на наших глазах опять пережить великие бедствия. Русская Церковь после двух веков относительного мира в течение пяти веков проходит через татарское иго и страшную борьбу с воинствующим польским католицизмом. Если история Русской Церкви имела во все времена славные страницы, то всесторонний ее расцвет начинается только с конца XVIII века. XX век должен был бы стать эпохой величия и России и Русского Православия, но случилось иначе.

Ныне и Русская и все Балканские Церкви находятся под коммунистическим игом. Православное население Турции было почти все изгнано 30 лет назад. Палестинская Церковь подверглась бедствиям в последние годы. Александрийский и Антиохийский патриархаты крайне медленно выходят к новой жизни. Отраден факт появления Православной Церкви почти во всех странах Америки и Азии, но причины этого факта большей час-

тью печальны и, главное, эти новые церкви еще дезорганизованы и слабы... Одна Греческая Церковь живет полной жизнью.

В чем нуждается современное Православие?

Самое существенное, нам кажется, можно свести к 5 пунктам.

Прежде всего наша Церковь нуждается в свободе: в свободе от насилия и от мирского засилия. Мы верим, что Церковь не погибнет от гонений, но в гонениях невозможна нормальная жизнь. Конечно, сонм православных святых умножается мучениками, но какое страшное дьявольское давление испытывает народ и духовенство, сколько душ не выдерживают его, как суживаются возможности духовной и церковной жизни... Под мирским засильем мы разумеем то подчинение Церкви национальным, политическим, бытовым или психологическим задачам, которое мы слишком часто видим вокруг. Зло это тем более опасно, что двусмысленно. Верно, что Церковь служит народам и срастается с ними, что она может вдохновлять и благословлять всякую благую деятельность, в том числе и политическую, что она утешает наши личные скорби и украшает наш быт, но ложно, что Церковь для того только и существует и вне этих задач не нужна. Церковь есть Царствие Божие, начало совершенной, всеобъемлющей жизни, которая не должна знать никаких земных ограничений. Мы обесцениваем и искажаем церковную жизнь, когда всецело приспособляем ее к нашим земным задачам, вместо того, чтобы самую земную жизнь возвышать до христианского идеала. Иные думают, что Церковь есть не более чем общество людей, содержащих храмы и духовенство для удовлетворения своих религиозных потребностей! Свободная от мира, Церковь воистину служит ему; подчиненная мирскому, она в сущности бесполезна. Мы не язычники, чтобы удовлетворяться одной лишь формой религиозности, облекая в нее наше житейское, а то и низменное и суетливое.

Вторая нужда — оживление в широких кругах верующих подлинной христианской жизни. Нельзя думать, что быть христианином значит быть лишь порядочным человеком, ходящим в церковь. Христианин есть человек, обращенный к Богу через Христа; человек, живущий полнотой истины Христовой; живущий во внутреннем и внешнем единстве со всеми христианами; человек, покоряющий себя смирению и любви, стремящийся существенно преобразить и свою личную и общую жизнь и готовый ради этого на всякий труд и подвиг; человек, верный Христу и в церковной и в мирской жизни.

Третья нужда — единство. Православный мир разделен железным занавесом, национальным равнодушием и даже враждой,

отсутствием постоянного единения между поместными церквами, слабостью соборного начала во многих церквах, расколами, свирепствующими в Западной Европе и Америке. Самое ужасное, что многие относятся к этому разъединению вполне безразлично. Не от нас зависит уничтожить железный занавес, но возможно было бы преодолевать ту отчужденность, недоверие, подчас враждебность и презрение, которое так глубоко делят православных разных национальностей. Сколько мы слышим глупого хвастовства русским или греческим или иным православием, будто Православие создано не Богом и Христом, пророками, апостолами, отцами и святыми всех народностей, но русскими или греками! Что мешает поместным церквам быть в постоянном общении? Сколько есть общих, неотложных задач у Православия во внутренней жизни или в отношении инославия и внешнего мира! Как мало связи между приходами и епархиями, общепархиальной и общецерковной деятельности. Психология «своей колокольни» господствует во множестве приходов и епархий, да и в каком приходе мы находим истинно-христианскую общину? Причины современных церковных расколов очевидны: это, с одной стороны, националистические и политические страсти, с другой стороны — низкий уровень или извращенность церковного сознания. Принцип устройства Церкви прост: в каждой стране одна Церковь, одно возглавление, совершенное согласование всех церковных сил. У нас же, в Европе и Америке, один православный народ не хочет быть в той же церкви с другими, каждое политическое течение склонно иметь свою церковь и многие не находят во всем этом ничего противоестественного! В результате мы видим анархию, вражду, распыление сил и общую слабость церковной жизни. Поскольку в православном рассеянии сохраняется различие богослужебного и разговорного языка среди разных православных народностей, было бы, конечно, целесообразно сохранить особые приходы для каждой народности и объединить их в особые викариатства или благочиния, но нет никаких причин, кроме заблуждений и злой воли, чтобы эти приходы или викариатства не объединялись бы в общеправославные епархии и митрополии, в которых вся церковная жизнь была бы согласована для общего блага Церкви. Наконец, если покамест неизбежно сохранение отдельных епархий для верующих каждого языка (но не каждого идеологического направления!), то эти епархии должны были бы составлять в каждой стране единую Церковь с единым возглавлением. Даже таким образом был бы уже повсюду обеспечен порядок и согласованность церковной жизни.

Четвертое, что не хватает современной Церкви, есть церковная культура. Наша Церковь никогда не достигала того уровня культурности, который составляет такую силу католичества и протестантства. Но мы должны признать, что со времени русской революции и последующих бедствий этот уровень еще значительно понизился. Под коммунистическим игом церковная культура едва может теплиться. В свободных православных церквях всюду, кроме Греции, культуру приходится строить почти заново. Дело это крайне трудное, но слишком многие не видят в нем и нужды, хотя, казалось бы, легко понять, что Церковь не может быть сильной, если большинство мирян почти ничего не знает о вере и даже духовенство не имеет богословского образования. Число наших богословских школ ничтожно и они с трудом существуют; число ученых богословов не достигает и одной сотой того количества, которое имеют инославные. Наша литература ужасно бедна. Многие хотели бы ознакомиться с православием, но книг так мало, что часто нечего прочесть; старую русскую литературу нелегко достать, она не переведена на другие языки и во многом устарела. Храмы строят и украшают часто безвкусно, даже там, где есть достаточно средств для их построения и украшения. Церковно-хоровая культура стоит низко. Мы не говорим уж о том, что редкие христиане понимают богослужение и смысл таинств; большинство не считает нужным даже интересоваться этим. Церковно-общественные организации у нас малочисленны или малоцерковны; молодежь остается постоянно вне влияния Церкви. Мы сейчас не слышим ни о православных общеобразовательных школах, ни о госпиталях, ни о профессиональных союзах; самая мысль об этом кажется мечтой.

Последнее, что нужно современному Православию, — это миссионерство. Миссия трудна без культурных сил, но никакое вообще развитие православного общества невозможно без организованного миссионерского усилия. Наше духовенство часто пассивно, но даже активный священник не может все сделать. Нам необходима и внутренняя и внешняя миссия. В каждой епархии должна быть миссионерская группа и печатный орган; это вполне возможно всюду. Миссия среди неправославных, конечно, труднее: необходимы образованные миссионеры и православная литература. Но интерес к Православию очень велик и, главное, мир как никогда, нуждается услышать голос Истины.

Есть три истины, которые христианство должно утверждать во всем мире и которые могут быть приняты даже теми, кто не хочет войти в Церковь: это истины о человеке, об отношении его к Богу и о человеческом обществе.

Человек есть ценность: всякий человек, кто бы он ни был. Чтобы умалить ценность человека, надо доказать, что именно этот человек в чем-то порочен или виновен, и критерий вины или порока должен быть основан на законах общечеловеческой природы и справедливости... Но почему человек есть ценность? — потому, что он есть воплощенный дух. Надо, наконец, понять, что ценность человека ничтожна, если он есть не более чем сложно устроенный кусок материи¹. Многие (особенно ученые, доктора, психологи) не хотят признать себя материалистами, но фактически все объясняют из низшего. Надо быть последовательными: если человек есть вещь, смешно говорить о личности, свободе, нравственности, творчестве и вообще о каких бы то ни было духовных и культурных ценностях. Предельная ценность человека-вещи для окружающих может быть только его работоспособность. Сам же человек-вещь не может быть ничем связан, кроме законов физики: для него все одинаково бессмысленно и все одинаково позволено... Признание реальности духа имеет совершенно исключительное значение для человечества, ибо только на нем может быть основано признание всех тех ценностей, которые составляют смысл человеческого бытия... Только имея дух, человек может быть личностью и, следовательно, быть особым носителем жизни, неповторимым, незаменимым, для всех ценным и неприкосновенным. Только будучи личностью, человек может быть свободен и, следовательно, притязать на все те свободы, из-за которых ныне идет в мире смертельная борьба. Если мы бездушные животные, то чего ради мы будем бороться за свободу личности, совести, слова, творчества, за права «человека и гражданина»? Борьба за собственное существование — есть предел мудрости для материалиста! Миллионы сторонников свободы и достоинства человека не задумываются об этом и не обращают внимание, какой абсурд заключается в отстаивании духовных ценностей при утверждении, что человек есть бездушное животное.

Христианство противостоит и другому злу: убеждению, что достоинство человека заключается в абсолютном произволе. Дух не есть голая личность, самоопределяющаяся в пустоте: человек не только стоит перед реальностью общества и мира, но сам имеет свою природную сущность, которой он внутренне связан. Есть объективный закон добра, нарушение которого ведет к внутреннему разложению, страданию, духовной гибели и к разрыву с окружающим. Нравственность есть одна из сторон этого духовного закона... Разум в свою очередь есть способность нашего духа, и он имеет три основные функции — познание истины, правды и

красоты. Христианство всегда исповедовало существование истины, правды и красоты, единых для всего человечества. Это имеет огромное значение в наше время, когда господствует или полное отрицание их или признание их относительности и зависимости от вкусов и произвола. От этого происходит духовный развал и всего человечества и отдельных людей... Человек есть творец, потому что он свободен и разумен. Наше творчество должно быть всегда одушевлено истиной, правдой и красотой, без которых оно или бессмысленно или вредно.

Духовность человека никак не исключает значения нашей телесности и всей внешней жизни, к чему склоняются иные религиозные, философские и нравственные течения. Христианство признает, что тело принадлежит к сущности человека и, следовательно, вообще говоря, положительно и все потребности его законны. Естественно, что человек осуществляет свою жизнь во внешних формах и заботится о внешней жизни. Все дело лишь в том, в каком соотношении находится внешняя жизнь человека к духу: дух должен быть господствующим началом и высшей ценностью. Эта простейшая для христианства истина очевидно необходима современному миру. Материальное заполняет души, умы, науку; техника, производство, богатство стали богами. Капитализм и марксизм требуют господства хозяйства над всеми; мы видим, к чему это приводит. Нет другого выхода из хозяйственной анархии или тирании, кроме сознательного подчинения хозяйства общему благу и нравственным законам... Современное человечество все больше погружается в психоз корысти и роскоши и в то же время одержимо идеей, что похоть есть едва ли не сущность жизни. Человек болен корыстолюбием и сластолюбием и сам с удовольствием выискивает в себе темные страсти и «комплексы» и со сладким ужасом открывает, что он полон гнили и преступности. Сама плотская и внешняя жизнь человека должна быть спасена от извращения и грязи; она может быть и прекрасна и свята, но только в здоровом сочетании с духом².

Вторая истина, в которой нуждается все человечество, есть нерасторжимая связь между человеком и Богом. Мы подробно останавливаемся на ней в статье о христианстве и о Христе. Общая мысль проста: человек не только не мог бы существовать без Бога, но духовная жизнь человека необходимо обращена к Богу: Он есть Всесовершенный Дух, Праобраз нашего тварного духа, Он есть Источник и Идеал всей нашей жизни, ибо Он есть абсолютное Благо, Добро, Истина, Красота, Любовь и т.д. ... Только Абсолютное может быть началом, мерою и целью всего. Без Бога все неразумно, бесцельно, загадочно и относительно; если Бога

нет, все обречены выдумывать свои истины, правды, свою красоту, свои идеалы, при том с одинаковым правдоподобием; более того, поскольку духовная жизнь необходимо обращена к бесконечному совершенству, она бессмысленна, если нет Совершенного... Без Бога нет абсолютного Начала, которое могло бы соединить людей: распад и вражда неизбежны.

Третья истина как раз относится к единству людей между собой. Человек не создан одиночкой и одиночество по существу есть недостаток. Все люди связаны помимо их воли общей природой, происхождением, культурой, языком, государством и т.д.; духовная связь между людьми гораздо глубже, чем они обычно думают; но христианство настаивает также на том, что в единении с людьми заключается совершенство и полнота нашей жизни, ибо в нем мы находим удовлетворение любви и обогащаемся всем, чем обладают другие люди... Одна из величайших идей христианства есть, что никакие различия между людьми не должны разделять их, в том числе, ни классовые, ни национальные, ни расовые, ибо они незначительны и могут быть согласованы с высшим единством. Но это высшее единство не может, конечно, заключаться в схожести человеческих тел: только дух объединяет людей. Однако, и духовное единство должно иметь определенное содержание; оно может заключаться уже хотя бы в самом признании великой ценности любви, согласия, сотрудничества, общения, взаимопомощи; но оно должно быть углублено общим идеалом человека и всечеловеческой жизни, общим устремлением к единой истине, правде и красоте. Высочайшее единство человечества возможно только в Боге, ибо в Нем сходятся высшие устремления людей, Он есть совершенный Идеал, Источник и Цель жизни всех... Если человечество не найдет общего идеала, если оно не обратится к положительному единству, оно придет неминуемо к страшным бедствиям и внутреннему упадку. Единство в узости и лжи не спасет.

Перечисленные истины о Боге, человеке и человечестве доступны и необходимы всем, даже неверующим во Христа, но именно в Нем они находят свое осуществление: во Христе Бог соединился с человеком, открылась подлинная духовность, явлена совершенная истина, правда и красота, восстановлено равновесие между духом и телом; во Христе соединено все человечество, невзирая ни на какие земные различия между людьми. Христос есть Средоточие вселенной. В Нем открывается новый мир, Царство Божие, в который входят все христиане, поскольку приобретаются вере и жизни Христовой. Это Царство Божие есть завскаса, преображающая весь мир, есть место спасения, уже здесь,

на земле, от всякого зла и несовершенства... Христос дарует нам Св. Духа, Источник божественной жизни, ибо христиане только те, кто живут силою Божьею. Христос делает нас детьми Божиими: если наша жизнь от Бога и мы стараемся во всем осуществлять Его Волю и быть Ему подобны, то Бог есть наш Отец, и Он бдит над нами, как над детьми Своими, и хранит нас от всякого зла... Церковь живет общением со Пресвятой Троицей. В жизни Троицы открывается нам несравненное значение и богатство личного бытия и необходимость сочетания его с совершенным единством; открывается также божественная высота любви и превосходство много-личного бытия над одиночеством... Нисхождение Сына Божия и Св. Духа в мир показывает нам и славу смирения Божия и возможность сочетания высшего и низшего в единой жизни.

Жить в общении со Христом, Св. Духом и Богом-Отцом, значит быть в Церкви. В ней соединены все те, кто соединены со Христом. Но Церковь есть и путь в Царство Христово. Церковь есть организованное общество, ведущее всех ко Христу. Для этого существует иерархия, Писание и Предание, церковное учение, богословие, богослужение, таинства и все, вообще, подлинноцерковное. Поэтому высшая задача христиан — привести всех в Церковь, где открыта для всех возможность совершенной личной жизни, богообщения и полного воссоединения с братьями во Христе. Только в Церкви ясно открывается истина, правда и красота... Из Церкви должно излучаться в мир всякое добро, потому что на пути добра мир приближается к Церкви и в ней к Царствию Божию...

Люди близоруки и косны. Христиане маловерны и малодушны. Всем кажется возможным только уже существующее и общепринятое. Людям нужна будто бы только сила и материальные блага, а не Бог, правда и любовь... Злым нужно злое, но миру нужно добро; не только отдельные люди живут добром, но и все человечество способно жить им; торжество добра и зла сменяется в мире... нам кажется невероятным, чтобы мир мог выйти из болота материализма; мы начинаем привыкать к тому, что часть мира стоит за грубую односторонность морали, выгодной для государства, а другая любит моральным разложением в мнимой утонченности. Человечество как будто обречено классовою, национальною и расовою борьбе. Но все это должно измениться, хотя бы ценой опыта новых катастроф... Однако отрицательный опыт недостаточен. Добро должно быть положительно явлено миру — и словом и жизнью. Это долг христиан.

Весь христианский мир должен объединиться во всем, в чем вероисповедные различия несущественны. Мы говорим не о сверхконфессиональных организациях, но о согласованности и о сотрудничестве в общехристианских задачах. Православию должно принадлежать особое место. Во-первых, потому что оно есть хранитель Истины на земле; во-вторых, потому что оно более других исповеданий способно соединить ясность, твердость и богатство проповеди с полным уважением к свободе и своеобразию каждого человека и общества. Протестантство беднее и неопределеннее Православия. Католичество не хочет отделить проповеди истины от подчинения Риму. Пусть каждый человек, общество или народ сохраняют свою самостоятельность на пути к Богу, добру и единству: важна правильность самого направления. В самой Церкви возможна свобода и многообразие, если нет противоречий, отчужденности, заблуждений и вражды. Государство, наука, искусство, хозяйство должны сами и прежде всего ради самих себя обратиться к истине.

Необходимо создание двух движений: внутри Православной Церкви объединение, всех, кому дорога глубина христианства и совершенство церковной жизни; во всем мире — движение всех, кто понял, что жизнь невозможна без утверждения духовности человека и духовной основы свободы, культуры и общественности, невозможна без признания Бога и единства человечества. Силы добра должны быть собраны и в Церкви и в мире.

Мы упоминали о возникновении православных церквей в Западной Европе, Америке и других странах рассеяния. Этот факт недооценивается самими православными. Вместе с тем, он может иметь огромное значение, если эти новые церкви упрочатся, потому что в таком случае Православие будет иметь опорные пункты по всему миру, и дальнейшая судьба Православия будет зависеть уже от энергии православных. Конечно, в том состоянии анархии и малой культурности, в котором находится Церковь рассеяния в настоящее время, она не может быть сильна и активна, но мы верим, что это состояние будет постепенно изжито. Тогда истина Православия сможет принести свой плод во всех странах мира.

Русская эмиграция составляет наиболее культурную часть православного рассеяния не только потому, что она состоит в значительной мере из интеллигенции, но и потому, что она несет с собой сильнейшую в наше время православную культуру. Значительная часть сил эмиграции уходит на борьбу за существование; свои духовные силы эмиграция тратит на национальное самосохранение и на малопродуктивную политическую деятельность.

Провиденциальное назначение эмиграции в распространении по всему миру Православия и русской культуры и в отстаивании престижа и интересов России перед лицом свободного человечества. До сих пор нами сделано в этом отношении слишком мало, а если сделано, то отдельными лицами или организациями. Мы видим в Церкви остаток старой России, а не начало преобразования всего мира, не огонь принесенный с Неба, но лампаду для нашего умиления. Много ли сделано эмиграцией за последние пятнадцать лет для распространения истинного знания о России и русской культуре? Наша молодежь, учащаяся за границей, должна была бы стать в первых рядах знатоков Православия и России и быть их голосом в иностранной среде... Россию за границей ныне соединяют с коммунизмом, но мы имеем право говорить о христианской России, хотя, конечно, не Россия создала христианство и слишком многое в ней не было христианским. Русская эмиграция призвана возвестить миру не только о зле коммунизма, но и о том, что всякий народ может стать жертвой зла и в каждом народе есть силы и добра и зла. Зло не национально; дело не в благонравии и культурности Запада и злонравии и варварстве Востока, но в безбожии, материализме, эгоизме и человеконенавистничестве, которые разъедают сейчас в большей или меньшей степени весь мир. Не народы должны теперь вести борьбу с народами, но сторонники добра со сторонниками зла, и нельзя отождествлять добро с одной только свободой, как это делает Запад. Свобода священна, но во имя чего? Говорят о христианской цивилизации, но каковы ее основы? Недостаточно осудить зло и кричать о его ужасе. Надо, чтобы добро было определено и конкретно и осуществление его последовательно. Запад, при всей своей доброй воле, крайне расплывчат в понимании добра и лицемерен в его осуществлении; его тянет свести всю трагедию мира к борьбе народов за земли и власть, тянет примириться с подлинным злом и терпеть его у самого себя. Есть даже миф, что коммунизм плох только, когда он русский, а расизм только, когда он немецкий, что материализм и безбожие могут быть невинны и т. д. Мы, русские, хорошо знаем, что зло не зависит от окраски и начинается с общих идей, а кончается всеобщим уничтожением; но мы часто так загнипнотизированы злом, что в свою очередь не в силах ясно осознать в чем добро и положительный путь спасения.

Нет спасения вне Церкви: в ней источник и высшее осуществление добра. Вне Церкви добро частично и легко растворяется во зле. Гуманизм произошел из христианства, но, оторвавшись от него, перешел в материализм и стал «бестиализмом». Социальная

справедливость и равноправие народов — христианские идеи, но попав к безбожникам и фанатикам, они стали причиной кровавого человеконенавистничества... Сами христиане слабы, бездеятельны, лицемерны; церковное общество нецерковно по духу, по жизни и сознанию; от него слишком часто остается одна форма при полной готовности идти на всевозможные компромиссы, даже с большевизмом или расизмом. Уже начиная с средних веков, церковное общество болело всеми болезнями фарисейства, обрядоверия, схоластики, нечувствием ко злу, нежеланием внести свет христианства в самую толщу жизни. Поэтому осознание истинного смысла христианства и его жизненной силы и правды есть первая задача христианина; из нее же истекает сознание необходимости последовательного и всестороннего осуществления христианства, как в церковном обществе, так, по возможности, и во всем мире. Добро не должно быть преднамеренно ограничено ни в сознании, ни в жизни; такое ограничение есть начало его разложения. Церковная жизнь должна определяться идеалом Христа и Нового Завета во всецелом его раскрытии; взятые в отдельности, идеалы аскетического, литургического, культурного, бытового или социального христианства недостаточны для Церкви в целом. Так и весь мир не может жить одной свободой или патриотизмом или культурой и материальным богатством. Если сама природа человека духовна, связана с Богом и естественно обращена ко всечеловеческому единству, то нарушение этих основ человеческого бытия, хотя бы во имя частных благ, всегда пагубно.

